

СИМАЧЁВ Леонид Алексеевич [19.11.1950, г. Сквородино Амурской обл.] – прозаик, член Союза писателей России (с 1991), лауреат Амурской премии в области литературы и искусства (2004). Участник I Зонального совещания молодых литераторов Дальнего Востока (Петропавловск-Камчатский, 1981), VIII Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, 1984), выпускник Лит. ин-та им. М. Горького (1982), призёр Всесоюзного лит. конкурса «Советский характер», организованного газетой «Неделя». Печатался в центр. периодич. изданиях («Октябрь», «Москва», «Студенческий меридиан») и альманахах («Истоки», «Дни этого года»).

Интерес к литературе проснулся у С. ещё в младших классах школы. Первым писателем, вызвавшим у него неподдельный детский восторг, стал А. Чехов. В рассказе «В ладонях детства» (1970; первонач. название «У Москвы-реки») С. в классической бунинской манере – передавая звуки, запахи, краски, поведал о том, как первоклассник Вася – автобиографич. персонаж – впервые ощутил непостижимую силу искусства слова, заставляющую забыть о реальном времени и пространстве: «Стояла августовская ночь. Он лежал на

террасе, где постелила ему мама. <...> Из неплотно прикрытых окон тянуло свежестью и садом; было слышно, как где-то рядом попискивает летучая мышь. / Вася <...> читал про собаку, которая потеряла хозяина. <...> Шёл снег, собака была усталая, мокрая и голодная. <...> Мальчик перенёсся в мыслях туда, на сырую холодную улицу. Он не заметил сползшего одеяла и дрожал. Казалось, что снег засыпает и его. И когда голодная Каштанка, прижавшись к подъезду, стала горько плакать, он тоже ощутил дикий голод».

Героев и сюжеты своих будущих произведений С. черпает из жизни. В одном из интервью он признался, что с удовольствием читает Кафку и Маркеса, но больше любит писателей, герои которых переживают и пытаются осмыслить то, что однажды уже испытали их создатели: И. Бунин, В. Набоков, А. Платонов, А. Чехов.

С. родился в семье железнодорожника; родители его не коренные амурцы: отец из рязанских крестьян, мать – вятская. Детство и юность будущего писателя прошли в Сквородино. После оконч. школы в 1967 С. отправился в мерзлотную партию Зейской экспедиции Мосгипротранса. На участке трассы Бам – Тында бурил бывшую насыпь, отмечая на карте, как глубоко проходит граница вечной мерзлоты. В 1968 поступил в Дальневост. мореходное училище (г. Находка Приморского края). По оконч. в теч. четырёх лет работал нач. радиостанции на китобойном судне флотилии «Владивосток». В 1975 вернулся в Сквородино. Это событие совпало с началом Всесоюзной комсомольской стройки. Но и в жизни, и в творчестве писатель остался в стороне от БАМа. Сначала он работал электромехаником на телевизионной приёмно-передающей станции «Орбита», а с 1994 трудится на радиорелейной станции.

Свой первый рассказ – «Заяц», опубликованный в 1968 в газете «Амурский комсомолец», С. написал в одной из экспедиций по «старому» БАМу. За ним последовали рассказы «Двое» (1969), «Трофимыч» (1969), «Большая медведица» (1969) и др. В основе их сюжетов, как и в большинстве рассказов первой книги С. – «Срочная радиограмма» (1984), лежат нравственные конфликты. Герои сборника – люди разного возраста, разных профессий – моряки, парикмахеры, железнодорожники, они живут в разных уголках страны – во Владивостоке, в Подмоскovie, на небольшой ж.-д. станции на Дальнем Востоке, у них разные жизненные истории. Но есть то, что всех объединяет – это люди, духовно и нравственно здоровые. Они не идеальны: у каждого есть недостатки, каждый совершает ошибки. Но оказавшись в сложной ситуации, делают единств. верный выбор – тот, что позволяет остаться человеком. И даже оступившись, герои С. стремятся иску-

пить вино – не ради того, чтобы почувствовать себя чистыми, незапятнанными, а потому что живут по совести, по непреложному внутреннему закону. Стержень, не позволяющий героям сломаться, – врожденное, с молоком матери впитанное чувство уважения к предкам, к родителям, к женщине, к истории страны и края, к родной природе.

Тематич. диапазон рассказов сборника определить сложно: все они – о жизни, изображенной неяркими, акварельно-размытыми красками.

Лучший рассказ книги – «Срочная радиogramма» (1974). Действие разворачивается на китобойном судне в самый разгар охоты на кашалотов, появления которых экипаж ждал долго. Рассказчик – нач. радиостанции, принимает телеграммы для именинника – матроса Валентина. Неожиданно праздничную атмосферу нарушает сообщение, адресованное лучшему другу рассказчика – Стасу, находящемуся в это время у пушки и готовящемуся к выстрелу: «СЕГОДНЯ ВРЕМЯ ОПЕРАЦИИ УМЕР ПАПА = ЖЕНЬЯ». Резкая смена интонационных регистров сообщает дальнейшему повествованию сильное эмоциональное напряжение. Но рассказ С. не о том, как невыносимо тяжела боль утраты. Реакция Стаса на известие о смерти отца передана буквально в двух предложениях: «Сжав в кулаке радиogramму, Стас откровенно смотрел в дверной проём радиорубки. <...> – Как же так... – хрипло сказал Стас. – Ну как же так... – повторял он, тяжело опускаясь по ступенькам трапа к себе в каюту». О том, как герой пережил ночь, и что он испытал, услышав в рубке рассказчика записанный когда-то на магнитофонную ленту голос своего отца, читатель может только догадываться: «Я вынул из целлофана маленькую кассету, долго хранившуюся у меня в столе. <...>. Раздался шорох, шум вагонной суеты, звонкий хохот Женьки, звон струн и голос Стаса: “Спой «Бригантину», батя”. / Стас откинулся на спинку дивана, сжал кулаки, закрыл глаза. Было видно, как он осунулся за ночь. / Я вышел из рубки».

Художественная манера С. сродни тургеневской. Он, как и классик, тоже «тайный психолог». О внутреннем состоянии Стаса красноречиво рассказывают детали: сжатая в кулаке радиogramма, отрешённый взгляд, хриплый голос, тяжёлая походка, одна и та же фраза, произнесённая героем дважды. Свою авторскую позицию прозаик обозначает опосредованно. Повествование о переживаниях Стаса прерывается пейзажными зарисовками, сглаживающими трагический колорит «Срочной радиogramмы». Такое композиционное решение подчёркивает главную мысль произведения: она о торжестве жизни над смертью. Не случайно в сборнике «Ленинградский коверкот» (1986) рассказ был опубликован под названием «И даже если срочная...».

Другая важная композиционная особенность произведения – преобладание в сюжете эпизодов-воспоминаний, всплывающих в памяти рассказчика в мельчайших подробностях. Со Стасом они выросли на одной ж.-д. станции. «Стаськин батя» – дядя Серёжа, позже – Сергей Леонидович, работал машинистом тепловоза. Летом он брал мальчишек с собой в поездки, после которых они все вместе мылись в «деповском» душе. Когда тёрли дяде Серёже спину, всегда боялись задеть «огромный сизый шрам», тянувшийся вдоль рёбер. Отец Стаса – фронтовик, танкист. В одном из боёв он был ранен. Осколок, застрявший «рядом с сердцем», после войны часто его беспокоил. Даже спустя годы, герой ясно слышит стоны, которые однажды разбудили его посреди ночи (с открытием охотничьего сезона он, Стас и дядя Серёжа ночевали в сарае). Но вопреки всему, Сергей Леонидович жил, работал, воспитывал детей. Любивший жизнь, герой и после смерти остаётся живым в памяти сына и его товарища.

Ни мучительные размышления Стаса о собственной чёрствости (почти каждый день он убивает «морских исполнителей»), ни тягостные раздумья героев о войне не способны заглушить главную мысль рассказа, открыто высказанную в финале: «Жизнь продолжалась. И она ждала нас каждое утро рассветами – то солнечными и тихими, то хмурыми и дождливыми, то снежными и холодными. Был океан – великий и загадочный, любимый и такой же красивый, как жизнь. А потом тот последний за путину рассвет, когда Курилы уже за спиной... И светлые коробки домов в желтеющем тумане, и винный запах поздней осени <...>. И пресловутый комок в

горле, и счастье. Если бы вы знали – какое это счастье!..» Постоянные повторы («то», «и», «жизнь», «счастье») сообщают фрагменту ритмичность и передают поэзию самой жизни.

Рассказы С. – это лирическая проза. Они лишены сюжетно-композиционного центра, в них нет событий как таковых. Переданы только воспоминания, размышления, впечатления о них. Сам писатель в предисловии к «Срочной радиogramме» сравнил рассказы книги с «любительскими фотографиями».

1980-е ознаменовались очередной попыткой С. попробовать свои силы в жанре повести. Первая, неудачная, была предпринята в конце 1970-х. В газете «Амурский комсомолец» тогда был опубликован отрывок из повести, озаглавленный «Перед рейсом» и рассказывающий о том, как молодой капитан Варгузин готовит команду к плаванию. Однако творческим планам С. не суждено было сбыться, и в сборник «Срочная радиogramма» фрагмент вошёл как самостоятельное произведение – рассказ «Капитан».

Работу над повестью «Тишина обкошенной межи, или Навивный романтизм перестройки» С. завершил в 1989. Впервые под названием «Тишина обкошенной межи» она была опубликована в его третьем сборнике – «В перерыве между таймами» (1989). Сюжет почти пятнадцать лет С. считал повестью неудачной. В 2003 в предисловии к книге «До коммунизма и после» он писал: «Всю свою жизнь я старался писать в традиционной, классической манере старого доброго рассказа. Эта манера, на мой взгляд, не порабощает авторскую индивидуальность, а наоборот, позволяет ей свободно раскрыться. <...> Правда, небольшая повесть, открывающая эту книжку, несколько выпадает из общего художественного строя книги. Так почему же я её оставил?.. Быть может, в науку молодым авторам: никогда не нужно идти на поводу у времени; не нужно, как сейчас говорят, “нагружать” произведение социальной, гражданской, политической <...> – ибо сразу наступает расплата...»

Лучшие страницы повести – воспоминания главного героя Владислава Перминова о детстве и молодости. Символом семейного лада, душевного равновесия, устоявшегося быта является эпизод подготовки отца к покосу: «Предпокосные дни начинались с отбивки кос. На протяжении многих лет у отца под окном были припасены две ошкуренные чурочки. В одну из них он вбивал кованый квадратный обушок, на другую садился, брал в руки литовку, бережно укутанную в тряпки на зиму, разворачивал, долго рассматривал, шурясь и прикидывая, словно ружьё навскидку, то к одному плечу, то к другому, а потом тихонько начинал с оттяжкой молоточком: тук-так, тук-так, тук-так...»

Автор изображает жизнь трудящегося человека такой, какой она виделась Л. Толстому и писателям-деревенщикам: стройной, наполненной высшим смыслом, а потому незыблемой. Прозаик Г. Беляничев в рецензии на книгу «До коммунизма и после» писала: «Кем бы ни были отцы: машинистами или обходчиками, людьми большой силы или умеренной, в глазах растущих ребятишек они выглядели атлантами, надёжно и крепко держащими небо своего времени. Причём делали это терпеливо и честно, с осознанием необходимости и со всею ответственностью. Они не жаловались на тяжёлую долю военного и послевоенного лихолетья, никого ни в чём не винили и жили в гармонии со временем, с семьёю, работой и не всегда милостивым к ним государством».

В гармоничное, наполненное любовью прошлое врывается хаос настоящего. С начавшейся в стране «перестройкой» стало ясно: многое из того, чем жили «отцы», оказалось неправильным, ложным. К светлому будущему народ шёл не тем путём. Судьба неск. поколений обманутых советских людей воплотилась в жизненной истории коллеги Перминова – Бориса Ефимыча Хамкина. Немолодой герой («ему было уже далеко за пятьдесят») последние годы мечтал о машине. Когда мечта сбылась, и вишнёвая «шестёрка» стояла под окном дома, её угнали сбежавшие заключённые. Спусти неск. дней, узнав, что эски, уходя от преследования, разбила машину вдребезги, Хамкин застрелился. Явные параллели с Чеховым – прежде всего с рассказами «Крыжовник» и «Смерть чиновника» – носят поверхностный характер. У С. неожиданная и на первый взгляд нелогичная смерть героя придаёт истории

Книга прозы Л. Симачёва
«До коммунизма и после»
удостоена Амурской
премии за 2003 г.

Леонид Алексеевич Симачёв
в своём рабочем кабинете.

подчёркнуто трагический характер. Машина для Хамкина – далеко не предел мечтаний. Её пропача – последняя капля в череде бесконечных испытаний, которые выпали на его долю. Внезапным откровением стал для Перминова монолог Хамкина, почти крик души: «Столько копил, столько в очереди стоял... Под старость лет, думал, поезжу, внука повожу... Помирать скоро. Сердце вон по ночам сдавливает. <...> Вся жизнь прошла: давай-давай, давай-давай... Вот-вот ещё немного, вот-вот потеряете... Целину поднимем, скоро заживём... То голодуха военная, с двенадцати лет в леспромохозе лес валить начал... – прорвало Хамкина. Голос у него прерывался, а в горле странно хлопало. – <...> И опять всё повторяется. Ещё немножко, ещё чуть-чуть... <...> Опять потерпеть, опять нужно это сделать, то сделать, здесь порядок новости, там реформу провести, а я устал уже ждать».

Неустроенная жизнь самого Перминова – невысокая зарплата, отсутствие собств. квартиры, напряжённые отношения с женой и тещей – тоже во многом следствие несовершенства тогдашней политич. системы. Но герой искренне верит новому ген. секретарю М. Горбачёву, рассуждающему «о новом мышлении, о разрушении трафаретного образа врага, о потенциале, заложенном в социализме, потенциале, который с перестройкой начинает мощно раскрываться». О пережитках прошлого, в частности, о собрании в рамках недели политической бдительности, автор рассказывает с иронией. Это особенно ощутимо в характеристике образов персонажей. Один из них – занимающаяся «в основном общественной работой» инженер по технике безопасности Алла Борисовна Плевкова. Контраст между именем, напоминающим о знаменитой певице, и неблагозвучной фамилией создаёт комический эффект, усиливающийся с помощью характеристики, данной героине Перминовым: «Ему казалось, что такие общественницы <...> вечны, имеют в кармашке вместе с партбилетом – реже с дипломом – знаменитое средство Макропулоса, чтобы жить везде, всегда и во всём». Другой колоритный персонаж – Эра Никодимовна Манучарова, бывшая учительница истории, а ныне секретарь райкома партии по идеологии. Комическое содержание образа раскрывается в диалоге с Перминовым: «– Владислав Родионович, вы понимаете, что всему району вы как бы дали поДщечину! / “Поправить, что ли, – подумал Перминов. – Некрасиво получится. Да это ж не вина её, а беда... Да и не русский же язык она преподавала в школе”».

<...> / – И всё же вы человек не комМУКАБельный, Владислав Родионович, – прикрывая дверь, услышал он, должно быть, шутовую реплику».

Несмотря на строгую авторскую оценку, «Тишина обкошенной межи» в художественном отношении нисколько не уступает лучшим произведениям С.

В 1990-е писатель, как и все его соотечественники, переживал нелёгкие времена. В интервью «Амурской газете» на вопрос о творческих планах он отвечал: «В наше время, когда стоишь в ожидании хлеба по три часа, говорить о планах на будущее как-то неловко. По настроению, по складу характера я рассказчик. <...>. Роман у меня впереди. А пока пишу потихоньку рассказы». В 1990-е было написано немного. Судя по публикациям, это рассказы «Любовь к жизни поздней осенью» (1990), «Макрель 91-го года» (1991) и «Время собирать ягоды» (2001). Вместе с ранее опубликованными произведениями они вошли в книгу «До коммунизма и после» (2003) и были объединены в циклы: «В провинции», «В тайге», «В море и на берегу»,

«Давно, у Москвы-реки». Циклизация свидетельствует об эпичности мышления автора, о стремлении создать объёмную картину мира, о необходимости осмыслить жизнь глубже, чем позволяет отдельный рассказ.

Проза С. стала конкретнее, острее по содержанию. Изменившийся характер произведений сам автор подчеркнул названием книги.

В рассказе «Любовь к жизни поздней осенью» действие разворачивается в одном из санаториев Кавказских Минеральных Вод. За завтраком Юрий Мамалыгин познакомился с Катей – «симпатичной блондинкой с карими пронзительно-живыми глазами». Уже второе свидание героев закончилось близостью, во время которой Юрий «с ужасом отметил, <...> что у неё нет груди». После Катя рассказала ему свою историю: неск. лет назад ей поставили страшный диагноз – рак. Муж бросил её после первой же операции. Оказавшись на грани между жизнью и смертью, героиня нашла утешение в мимолётных связях с мужчинами. Уже второй год она приезжает в санаторий, чтобы почувствовать себя полноценной женщиной. Обычный курортный роман обернулся для Мамалыгина испытанием. Шокированный внезапно открывшейся ему физической неполноценностью новой знакомой, герой искренне ей сочувствует, но отказывается принять её выбор: «Утром он спал долго. Пить воду не пошёл. Не пошёл и на завтрак. Долго стоял на балконе, смотрел, как медперсонал, одетый в чёрные фufайки поверх белых халатов, собирает опавшие листья. Отсюда, с восьмого этажа, они походили на монахов и монашек, прибирающих монастырское подворье. Над большими деревьями и крышей водолечебницы кружились мокрые стаи ворон. В воздухе снова висел морозящий туман, и окрестных гор видно не было».

Туман, сопровождающий героев на протяжении всего повествования и скрывающий от них красоту и величие Кавказских гор, – символ заблудшей человеческой души, не осознающей, как богата жизнь. Физический недостаток героини порождает духовную ущербность. Медработники, напоминающие герою служителей церкви, – знак того, что единств. верный путь избавления от всех недугов, физических и духовных – путь к Богу.

Библейской символикой насыщен рассказ «Время собирать ягоды», начиная с названия, отсылающего к ветхозаветному «Время разбрасывать камни, время собирать камни»,

и заканчивая именами героев. События происходят в 1990-е в одном из леспромхозов Дальнего Востока. Почувствовав близкий конец, старуха Мария решила открыть сыну тайну его рождения. Уговорив Илью отвезти её в лес за брусникой, она долго пыталась отыскать то место, где ещё в 1950-е побила его родная мать – Магдалина. Тогда они вместе отбыли срок в БАМлаге, работали на лесоповале. Марии, жене «врага народа», не было ещё и двадцати, когда её, «молодую, ядрёную девку, не жившую с мужем и года, уводили из вагон-зака к себе конвойные и пьяно, по-скотски, насильовали». Тогда же она потеряла ещё не родившегося ребёнка. Задавленной лиственницей Магде, «худощей, но всё равно красивой еврейке», она поклялась «найти и поднять на ноги» её сына. Илья, разменявший шестой десяток, уже давно знает о том, что он не Ковалёв, а Нейман, но не решается сказать об этом матери, видимо опасаясь причинить ей боль. Так и не вышедшая замуж и не родившая своих детей Мария всю жизнь посвятила приёмному сыну, как-то незаметно для самой себя уверовав в сотворённый миф. Библейские параллели придают повествованию универсальный, общечеловеческий характер и одновременно заглушёвывают трагический пафос произведения. Вопреки всем испытаниям, герои С. живут в любви и дорожат чувствами друг друга.

Рассказы С. – добротная, качественная проза, глубокая по содержанию и «здоровая» по духу. Вдумчивая, основательная работа со словом делает зримым и запоминающимся каждый образ и характер. В предисловии к сборнику «Срочная радиограмма» С., рассказывая о том, как долго рождались произведения, писал: «...радиотехника и литература не очень совместимы; разумеется, при серьёзном отношении и к тому, и к другому. Иначе получится серо-профессиональная половинчатость». С., как и герой его рассказа «Премьера фильма в Моршанске» (1985) Скреплев, уверен: «искусство рождается тогда, когда за него перестают платить». Литература никогда не была для писателя способом решения материальных проблем. Его произведения рождаются в творческих муках, но не в думах о хлебе насущном.

Из-за «врождённой провинциальной стеснительности» С. никогда не претендовал на какое-то особое место в ряду своих собратьев по перу. Но современники оценили его творчество по достоинству. Беляничева писала: «Проза Леонида Симачёва <...> заставляет говорить о ней высоким слогом». «Писателем от Бога» назвал его Б. Черных за «деликатную», «тонкую» работу со словом, за «целомудренные» сцены – без «натурализма» и «надсады», «точные», «проникновенные», «простреливающие сердце навывлет» детали и за «чувство меры» – «свойство таланта истинного, глубинного».

С именем С. связана одна из самых ярких страниц в литературе Приамурья и всего Дальнего Востока. Но не только. По уровню художеств. мастерства и идейной зрелости его проза соприкасается с творчеством тех русских писателей, на которых он всегда «равняется», с которыми долгие годы ведёт несуетливую творческую беседу.

Соч.: Заяц // Амурский комсомолец. 1968. №40. 31 марта. С. 4; Перед рейсом: Отр. из повести // Амурский комсомолец. 1978. №82. 9 июля. С. 2–3; Знакомство // Амурская правда. 1978. №217. 16 сент. С. 4; Срочная телеграмма // Приамурье – 1979: Лит.-худож. сб. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1979. С. 37–53; Кукушкины слёзы // Дальний Восток. 1983. №6. С. 15–21; Проснуться среди ночи. Умер Тимофей // Приамурье моё – 1983: Лит.-худож. сб. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1983. С. 213–229; Срочная радиограмма: Рассказы / Предисл. С. Воронина. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва. 1984. 120 с.; Ленинградский коверкот. М.: Мол. гвардия, 1986. 96 с.; В перерыве между таймами: Рассказы и повесть. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1989. 112 с.; Любовь к жизни поздней осенью. Иван да макрель // Дальний Восток. 1993. №1. С. 47–58; С. 6–8; Любовь к жизни поздней осенью // Приамурье – 1995: Лит.-худож. альманах. №1. Благовещенск: РИО, 1995. С. 150–154; Время собирать ягоды // Приамурье – 2003: Лит.-худож. альманах. Благовещенск: РИО, 2003. С. 6–8; До коммунизма и после: Повесть, рассказы / Предисл. Б. Черных. Благовещенск: РИО, 2003. 272 с.; Время собирать ягоды // Проспект Пушкина: Прилож. к газете «Амурский дилижанс». 2004. №2. 5 февр. С. 11; Штормовое предупреждение // Проспект Пушкина: Прилож. к газете «Амурский дилижанс». 2004. №6. 3 июня. С. 3, 5, 11.

Лит.: Цигуля И. Остановиться, оглянуться... // Амурская правда. 1984. №102. 30 апр. С. 4; Кайда А. Разомкнуть круг: О первой книге молодого прозаика Леонида Симачёва «Срочная радиограмма» // Амурский комсомолец. 1984. №56. 11 мая. С. 2; От веки сомнений до веки надежд: Инт. с Л. Симачёвым [Интервьюер А. Кайда] // Амурский комсомолец. 1984. №72. 17 июня. С. 3; Во вкусах и пристрастиях однолюб: Инт. с Л. Симачёвым [Интервьюер Н. Масло-

ва] // Амурская газета. №35. 30 дек. 1991 – 5 янв. 1992. С. 8; Ольхов П. О медленном письме Леонида Симачёва: Маленькая рецензия // Русский берег. 2002. №10. С. 15; Беляничева Г. «Чувство родной природы»: О новой книге амурского писателя Леонида Симачёва «До коммунизма и после» // Проспект Пушкина: Прилож. к газете «Амурский дилижанс». 2004. №4. 2 апр. С. 4.

И.С. Назарова